

Бюст Никколо Макиавелли (1469—1527) в помещении его Второй канцелярии. XVI век. Неизвестный художник. Флоренция. Палаццо Веккьо.

Дом Макиавелли, прозванный «Домишко», в Сант-Андреа-ин-Перкуссина, где был написан «Правитель» — главный труд Секретаря, споры вокруг которого не стихают до сих пор.

Секретарь Республики

Нормальная жизнь Никколо* ди Бернардо деи Макиавелли оборвалась 16 декабря 1512 года. Вплоть до этой злосчастной даты он четырнадцать лет заведовал Второй канцелярией Синьории, правительства Флорентийской республики. Должность значительная, хотя не самая видная. Занять её человеку двадцати девяти лет, не имевшему ни пышной биографии, ни пристойного родительского состояния, ни опыта работы, было бы совершенно немыслимо, не обладай он редким качеством, которое мы все за собой числим, да чаще по ошибке. Он действительно был очень умным. И умным... как раз вовремя.

Он несравненно разбирался в политике. Тогда, в мае 1498 года пал и был казнён религиозный диктатор, «брат» Джироламо Савонарола; восстановленному республиканскому режиму потребовались новые люди. Влиятельное лицо, у которого хватило ума оценить поразительную способность студента делать точные выводы из полученных сведений, настойчиво рекомендовало кандидатуру Никколо, и Высший совет её утвердил. Тот удивительный случай, когда протекция, без которой было не обойтись, оказалась благотворной.

За годы службы он стал государственным деятелем первой величины, «без сна и отдыха посвятив себя, — как он сам выразился, — изучению государственных дел, этого искусства». И прежде всего на практике. Не имея дипломатического статуса, он выполнял ответственные миссии, вёл тонкие переговоры с министрами и князьями церкви, с французским королём, с папой римским. В беседе с ним кардинал Жорж д'Амбуаз, первый министр короля Людовика XII, походя задел соотечественников Макиавелли: «Итальянцы ничего не понимают в войне!» Флорентиец не полез за словом в карман: «А французы ничего не смыслят в государственных делах». — Иначе не позволили бы церкви играть непомерную роль.

* Именно с таким ударением произносят это имя в Италии.

Будучи здоровья слабого, Макиавелли, однако, извездил верхом европейские дороги — в Венецию, в Милан, в Лион, в Инсбрук, в Тироль... Он составил десятки отчётов и рапортов, направил сотни, если не тысячи писем.

И вся его профессиональная жизнь разом рухнула. Не то чтобы совсем неожиданно. Она всегда, во все моменты зависела от внешних событий. На сей раз он предвидел худший поворот истории.

До сих пор Флоренции удавалось оставаться в стороне от войн, которые вели на итальянской земле испанские и французские завоеватели. Видя близкую опасность, секретарь Макиавелли срочно набирал рекрутов в новые батальоны, настаивал: необходимо подкрепить весомым договором традиционный союз с Францией. Испанский же король потребовал, чтобы Республика от этого союза отказалась, а её правительство было немедленно заменено другим.

В сентябре 1512 года испанское войско достаточно быстро подавило сопротивление флорентийцев. Победители привезли с собой кардинала Джованни де Медичи, принадлежавшего к семейству банкиров, изгнанных в 1494 году. Бывшие некоронованные повелители Флоренции, они вернулись «как простые граждане» после унижения, которое испанский король и папа римский причинили Республике. Теперь в изгнание удалился глава правительства Пьеро Содерини, чьим советником и ближайшим сотрудником был Макиавелли.

Но свой главный удар Медичи нанесли в тот самый день 16 декабря. Джулиано Медичи с вооружёнными сторонниками захватил Палаццо Веккьо (Старый дворец), резиденцию Синьории. Незамедлительно последовали перемены; в результате Медичи возвратили себе всю полноту власти — притом, что формально Республику никто не отменял и немало функционеров, готовых прилежно служить сменившимся хозяевам, сохранили свои посты. Но не Макиавелли. С воцарением Медичи он остался без работы. Его обязали в течение года не покидать

Во дворце Барджелло Секретарь работал над планом создания наборной армии «вооружённого народа», с тем чтобы Республика отказалась от привлечения наёмников-кондотьеров. Чтобы руководить этим новым войском, в январе 1507 года он был назначен специальным гражданским канцлером. В 1521 году был опубликован его трактат «О военном искусстве».

флорентийскую территорию — под залог в 1000 золотых флоринов. Такой непомерной суммы он собрать бы не смог; её внесли три человека, пожелавшие не открывать свои имена. Затем ему запретили переступать порог Палаццо Веккьо, место его прерванной службы. Дальше — больше. Его арестовали и заключили в тюрьму Стинке по обвинению в соучастии в заговоре против Медичи или по меньшей мере в связи с заговорщиками.

Над его головой навис топор... Но 11 марта 1513 года кардинал Джованни Медичи был избран папой, приняв имя Льва X. Папа Медичи! Папа флорентиец! Флоренция обезумела от счастья. Как пламенные поклонники Медичи, так и их враги ли-

ковали в патриотическом опьянении. На радостях объявили амнистию, и Никколо Макиавелли вышел на свободу.

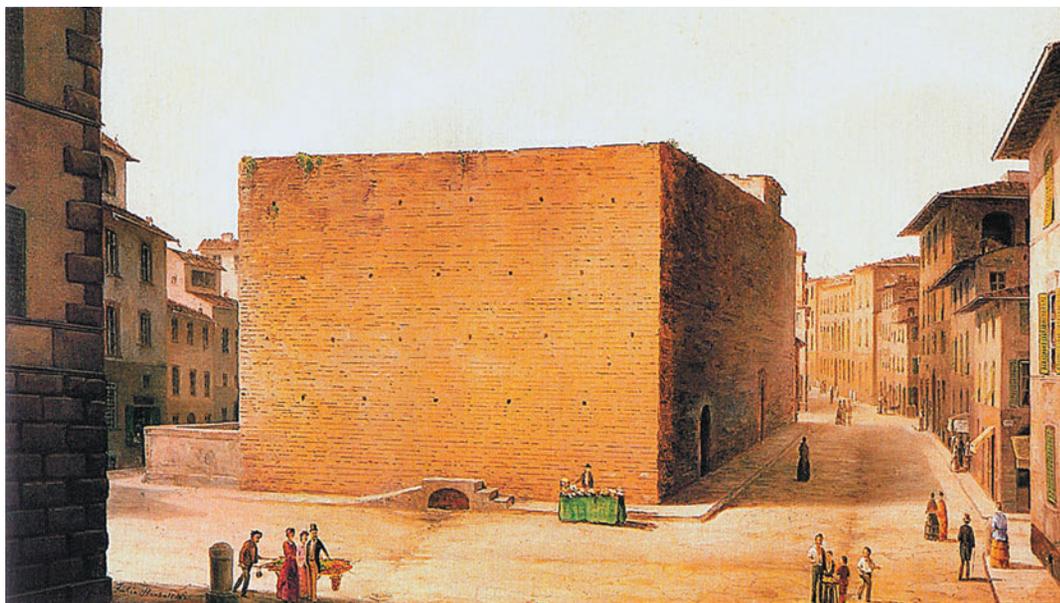
Не у дел, личность подозрительная, он обнаружил вокруг себя пустоту: друзья куда-то исчезли. Обитал он не рядом с Палаццо Веккьо и другими дворцами, не рядом с собором, а на другой стороне Арно. Никто не торопился навестить там недавнего узника, которого вся Флоренция знала под именем «Секретарь», а близкие приятели называли «Макиа». Делать ему в городе было решительно нечего; он запер своё скромное жилище и вместе с женой Мариеттой и детьми отправился в Сант-Андреа-ин-Перкуссина. Путь к дому его детства был не долог, около двух часов на лошадах.

Дом на древней римской дороге соседи прозвали «Домишко» и даже «Дрянной домик», хотя не так уж он убог; смотря с чем сравнивать. Политик преобразился в крестьянина. Он старательно вникал в то, где надо бы рубить лес, обсуждая все подробности с дровосеками; выслушивал их жалобы на свалившиеся на них беды, разбирали их распри. На постоялом дворе, что прямо против его дома, он беседовал с хозяином, с пекарем, с мясником, а то играл с ними в кости; до крика ссорились по пустякам.

Денег не было. На семейный стол, по его словам, подавалось то, «что может доставить этот бедный сельский край и моё непритязательное хозяйство». То есть ели скудно.

Подрезая лозу на своём винограднике, он порой усмехался, морщась от боли: в тюрьме, по обыкновению, его пытали, требуя чистосердечно выдать сообщников и их планы. Пытка состояла в том, что руки связывали за спиной; стянув их в запястьях длинной верёвкой, тащили за неё к высокому потолку. Чтобы палачу было удобнее выполнять свою работу, имелся ворот, рукоятку которого он крутил, не спеша поднимая жертву. За столом сидели судьи с перьями и бумагой. Обычно больше четырёх раз обвиняемые не выдерживали, выкладывали всё как есть. Никколо подвергли шестикратному испытанию, но ничего не добились: признаваться ему было не в чем. Против Медичи он дурного ничего не замышлял.

...Вокруг Сант-Андреа ему с малых лет была знакома каждая тропинка. С томиком Данте или Петрарки под мышкой он спускался к источнику. Пытался читать. Ни

Тюрьма Делле Стинке (XIV век). Художник Фабио Барботтони. До 1835 года. Флоренция, коллекция Сберегательного банка.

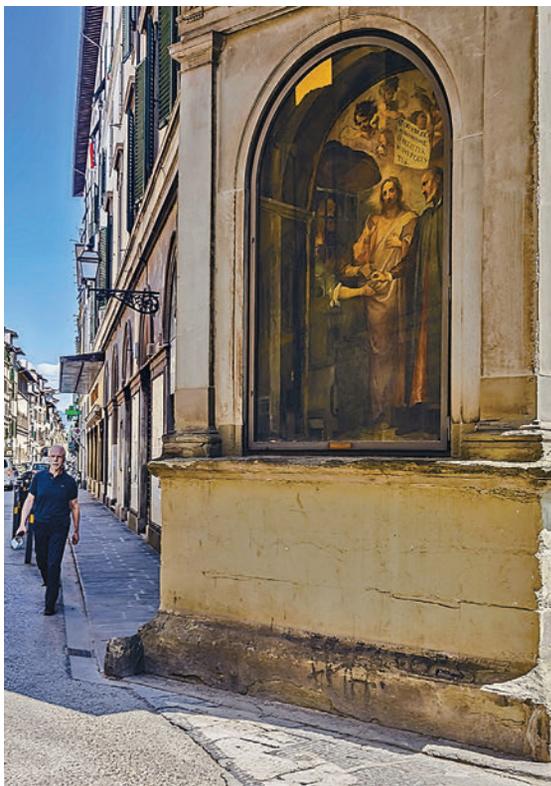
любимые стихи, ни дорогие пейзажи не развлекали его, не уводили от горестных мыслей, от сознания, что он больше никому не нужен.

На «злую свою судьбу» он сетовал в письмах к Франческо Веттори, флорентийскому послу при папском дворе. Их дружеские отношения завязались годы назад во время совместной деловой поездки. Никколо надеялся, что шаги, которые посол предпринял бы ради него в Ватикане, помогут ему выбраться из горестного положения: «Я желал бы, чтобы в конце концов синьоры Медичи меня использовали... каждый считал бы нужным использовать человека, который приобрёл столь большой по сравнению с другими опыт. Также не следовало бы сомневаться в моей преданности; будучи всегда верным моему слову, я покажу, что у меня её предостаточно...»

Никколо Макиавелли, Секретарь, захотел поступить на службу к Медичи?

Разумеется, он мог бы ложно утешаться, что всегда служил не партиям, не сильным личностям, но родине, Флоренции. Не он первый, не он последний. Он не прибеж к таким расхожим отговоркам, но позже, в 1521 году написал Франческо Гвиччардини: «С некоторых пор я никогда не говорю то, что думаю, не думаю никогда то, что говорю; если иногда я говорю правду, то прячу её

На углу улиц Гибелина и Изола-делле-Стинке останавливали для последней молитвы приговорённых к смерти.

Виноградник Макиавелли. Край самого прославленного итальянского вина — кьянти.

среди стольких измышлений, что её трудно различить». (Дружба двух первейших знатоков политики была полным исключением из правил. Плебей Макиавелли и аристократ Гвиччардини часто придерживались противоположных взглядов, они принадлежали к противоположным политическим лагерям — и они были друзьями!)

Вопрос решился сам собой, вернее, его решил Лев Х. Папа Медичи не был расположен устраивать карьеру Макиавелли, закоренелого республиканца и, следовательно, врага Медичи. Зная об этом, но исполняя настойчивые просьбы «изгнанника Сант-Андреа», искренне желая ему помочь, Веттори заранее расценил шансы как безнадежные и не очень-то усердствовал. Да и сам отставленный, выброшенный из жизни Макиавелли не ждал ничего хорошего от Медичи, хозяев Флоренции. «Если они не хотят ничего обо мне знать, — отвечал он безуспешному ходатаю, — я и дальше буду жить, как сейчас. Я родился в бедности и научился терпеть лишения куда раньше, чем познал,

что существуют и некоторые жизненные утехи».

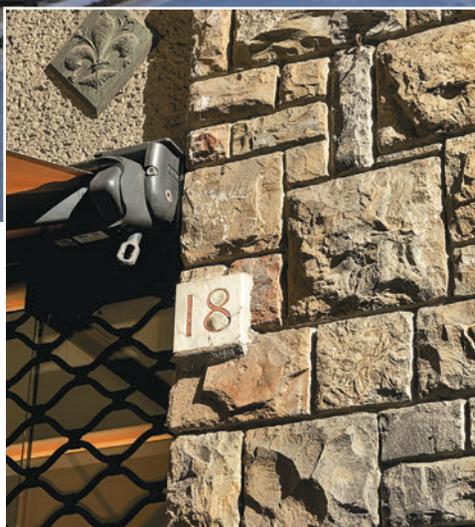
Письма с известными перерывами шли из Сант-Андреа в Рим и обратно, в них два дипломата — бывший и облеченный полномочиями — обсуждали переменчивые европейские дела. Чему же ещё могла быть посвящена их переписка? Веттори был в ней заинтересован и чисто практически, для своей работы, извлекал из неё немалую пользу. Мало кто другой, точнее, никто не смог бы так анализировать политические события, как Макиавелли. Его аргументация, ясный, точный язык производили на римского корреспондента соответствующее впечатление. И Франческо Веттори, коль скоро был не в состоянии посодействовать другу делом, дал, как водится, добрый совет. Он предложил Макиавелли взяться за перо, чтобы изложить свои мысли уже не в частном письме, а иным образом...

Что ж, нет худа без добра. Судить так, безусловно, жестоко; но если бы Секретарь не потерял принадлежавшее ему по праву мес-

Флоренция, улица Гвиччардини. Первым слева стоял дом, в котором жила семья Макиавелли.

то; если бы, оставив свою деятельность, он вынужденно не покинул Флоренцию, — не уселся бы за рабочий стол в «Домишке», чтобы «в поисках неизвестных морей и земель» приняться за исследование, положившее начало новой политической науке...

Тит Ливий «Первая декада». Венеция, 1495 год.

Для занятий такого рода первым делом необходимы источники, книги. Их-то у Никколо было предостаточно, стоило протянуть руку. Его отец, Бернардо, собрал порядочную библиотеку. Правда, тощие и нерегулярные заработки не позволяли доктору права сразу приобретать готовый том. Он нашёл выход, покупал книгу частями, чтобы после сшивать отдельные тетрадки. Мессер Бернардо посылал время от времени Никколо, тогда семнадцатилетнего, забрать новое сокровище. Так юноша взял у переплётчика и сочинение древнеримского историка Тита Ливия, заплатив двумя бутылками красного вина и бутылью уксуса.

К этому фолианту и обратился в свои сорок три года хозяин одиноко стоявшего дома на древней римской дороге в Сант-Андреа.

Тит Ливий, почти ровесник и почти протеже основателя Римской империи Октавиана Августа, посвятил, однако, свой

колоссальный труд истории дорогого ему Рима республиканского. Никколо Макиавелли пережил восстановление автократии Медичи (да, весьма просвещённой) вслед за очередным крахом Флорентийской республики, которой он верно служил. Логично, что он вновь перелистывал давным-давно прочитанные страницы «Первой декады», вникал в текст римлянина, комментировал его, толковал, находя аналогии событиям своего века. «Сбросив дневную одежду, всю в грязи и навозе, я облачаюсь в придворное платье, — оповещал он Веттори с неизменной своей иронией; роскошного гардероба он, конечно, не имел, тем более, в Сант-Андреа. — В приличном наряде я вступаю в круг древних. Сердечно принятый ими, я вкушаю ту священную пищу, для которой рождён. Я без стеснения беседую с ними, прошу объяснить их действия. И эти люди столь добры, что отвечают мне. В течение трёх-четырёх часов я не испытываю никаких огорчений, я забываю все мои заботы, меня не пугает бедность и смерть меня не страшит...»

Он погрузился в историю античных и средневековых республик, их возникновения и исчезновения, и его внимание всё больше вызывали личности, благодаря которым был учреждён республиканский строй, а затем те, кто его устранил и устанавливал режим личной власти.

Во Флоренции снова властвовали Медичи. Только Венеция и Генуя сберегли свои аристократические республики посреди лоскутной пестроты итальянских государств, в которых главенствовали собственные вожди. Не бросая работу, в которой Макиавелли отталкивался от «Первой декады» Тита Ливия, он начал другую, «О принципатах». Озаглавил он её по-латыни, а написал на народном тосканском языке. Центральное место в ней отведено первым лицам таких государств — правителям.

По справедливости оценивая важность, значимость им созданного, Макиавелли приложил усилия к тому, чтобы его произведение было прочитано: он просил Веттори содействовать представлению этой работы папе. Сам же послал рукописный экземпляр Лоренцо II Медичи (личность ничтожная, в отличие от его деда, Лоренцо Великолепного), возведённому во Флоренции на высшую ступень власти. Кажется, ни тот, ни другой

Рабочий кабинет писателя, он же салон, в Сант-Андреа.

Медичи интереса к творению Секретаря не проявили.

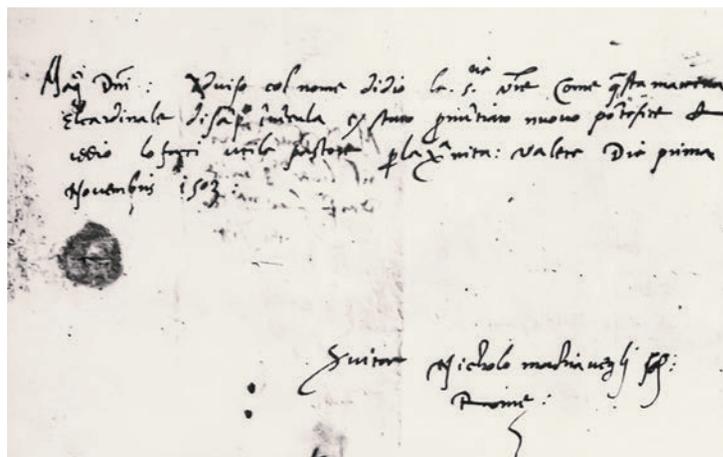
Переехав всё-таки обратно во Флоренцию, он знакомил с книгой мужей Платонической академии, собиравшихся для учёных и литературных бесед под кронами деревьев сада Оричеллари. Книга разошлась во множестве списков. «Более, чем кто-либо другой, вы всегда очень далеки от общего мнения, открываете нечто новое и необычное», — деликатно отметил позже Франческо Гвиччардини.

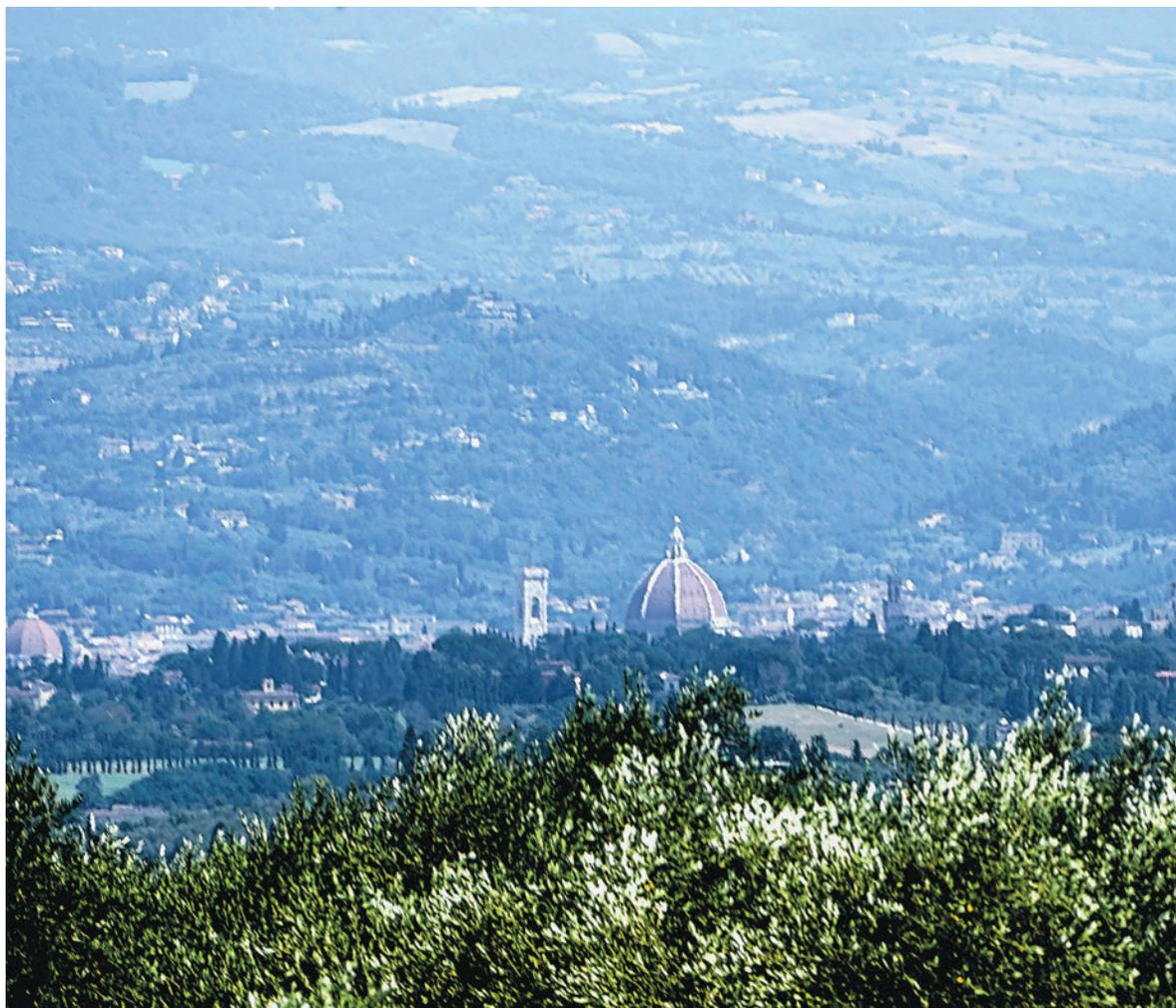
В самом деле, героических сказаний о деяниях вершителей судеб стран и народов было сочинено в избытке.

Донесение дипломата Макиавелли правительству Синьории, 1 ноября 1503 года. Автограф, Дом-музей Никколо Макиавелли в Сант-Андреа-ин-Перкуссина.

«Но, — предупредил читателя Макиавелли, — имея намерение написать нечто полезное для людей понимающих, я предпочёл следовать правде не воображаемой, а действительной — в отличие от тех многих, кто изобразил республики и государства, каких в действительности никто не знал и не видывал».

→

Почти с порога своего дома хозяин мог разглядеть в дымке панораму его Флоренции. Ему было что сказать о родном городе. В конце концов позже, в декабре 1520 года кардинал Джулио Медичи заказал Макиавелли «Флорентийскую историю». Став папой Клементом VII, очень оценил оригинальнейшую работу, посвящённую республиканскому периоду, и хорошо заплатил. Книга вышла в свет в 1532 году.

Спустя время уже другой папа Медичи, Клемент VII, покровитель искусств и литературы, вдруг разрешил печатать книгу Макиавелли. Когда автора уже не было в живых, её впервые — под заголовком «Правитель»* — выпустил в 1532 году издатель

* Скандальное произведение, о котором идёт речь, выходило в нескольких русских переводах, всякий раз под другим заглавием, что очень объяснимо: не просто найти эквивалент. Ни одно название не закреплено официально. Я выбрал то, что наиболее точно соответствует итальянскому *Il Principe*, особенно в историческом контексте. — Прим. Е. Л.

Антонио Блано д'Азола. Публикация вызвала бурю, которая не утихает по сию пору.

Немедленно вышли другие итальянские издания, не меньше пятнадцати с 1572 по 1640 год, и лавина переводов на разные языки — двадцать пять одних французских. Точка зрения Ватикана круто переменялась, и 30 декабря 1559 года произведение флорентийца было включено в индекс запрещённых книг. Французский протестант Инносен Жантийе подверг Макиавелли раздражённой критике в своих «Размышлениях о средствах благого правления» (Женева, 1576 год). Католический архиепископ Кен-

терберийский англичанин Реджиналд Пол предал книгу анафеме — «написана рукой сатаны!» Образованный прусский наследный принц составил эссе «Анти-Макиавелли» и обратился к Вольтеру с просьбой отредактировать. Сохраняя анонимность эссеиста, признанный философ предал труд тиснению. «Я всегда рассматривал "Правителя" Макиавелли как одно из самых опасных сочинений, получивших распространение в мире», — вынес приговор принц. Убедённый противник захватнических войн, он вскорости вступил на трон, затем вёл победоносные завоевательные

Сбылась вождеденная мечта, к которой стремились банкиры Медичи. 20 сентября 1537 года Козимо I увенчал себя герцогской короной Флоренции, а 21 августа 1569 года произвёл себя же в ранг великого герцога Тосканы.

кампании и прошёл в историю под именем Фридриха Великого.

Французский гуманист, типограф и филолог Анри Эстьен придумал в 1611 году бранное слово «макиавеллизм». Термину дала истолкование французская же «Энциклопедия» Века Просвещения — «род гнусной политики, которую в двух словах можно определить как искусство быть тираном; её принципы изложил в своих произведениях флорентиец Макиавелли». Совершенно верно, но из формулировки следует, что энциклопедисты нисколько не утверждали, будто сам Макиавелли рекомендовал такую политику к исполнению.

Что же ненавистники Секретаря так переполошились, что вывело их из равновесия? «Старались заставить поверить, — нашёлся французский писатель XX века Жан Жионо, — что макиавеллизм — это искусство обмана; как раз наоборот, это способность не вводить в обман... Он просто-напросто показывает, что дважды два — четыре».

Автор «Правителя» никогда не декларировал, ни текстуально, ни по существу, что цель оправдывает средства, хотя ему упрямо это приписывают. Порочные, кровавые средства всегда приводят к результату, противоположному распрекрасной объявленной цели.

Никколо Макиавелли рекомендаций повелителям не давал. В посвящении, отправленном Лоренцо II, он точно обозначил свою задачу: «Понять природу правителей, — уточнив, — для чего нужно принадлежать к народу». Как учёный, он беспристрастно исследовал реальное положение вещей и фиксировал то, что неминуемо

Во дворце Медичи-Риккарди в начале сентября 1526 года впервые была поставлена комедия «Мандрагора», сочинённая драматургом, поэтом Макиавелли. С шумным успехом она была принята и в других городах Италии.

призван делать и чего не может не делать правитель.

«Дальновидный правитель не должен исполнять своё обещание, когда это может ему повредить или если отпали причины, в силу которых обещание было дано...

Отнюдь не является необходимым, чтобы правитель обладал всеми прекрасными человеческими качествами, но нужно, чтобы казалось, что он их имеет... если они действительно у него есть и они проявляются в его поведении, это могло бы нанести ему вред; тогда как видимость их всегда полезна. Всегда, например, полезно, казаться милостивым, верным, человеческим, благочестивым, искренним... Нужно хорошо уяснить, что правитель — и особенно правитель новый — часто вынужден, чтобы сохранить своё государство, поступать против чело-

вечности, против милосердия, даже против религии... Ему следует, насколько это возможно, не сбиваться с пути добра, но уметь при надобности вступить на дорогу зла».

Аморально? Безусловно. Только напрасно уважаемые критики разоблачали цинизм Макиавелли — циник не он, а объект его изучения, Правитель. Тот, кто в высших интересах удержания власти, полученной силой, хитростью, коварством, обречён быть лжецом, лицемером, убийцей. У него нет выбора: ему приходится совершать преступление за преступлением. Это жизненно необходимо. Его государство обеспечивает ему безнаказанность, так что «к суду его не привлечёшь», невесело съязвил Макиавелли. Тот, кто во всякую эпоху жадно нуждается в народной любви, но не прочь довольствоваться её имитацией. «Тут

Во Флоренции повсюду герб Медичи. «Шары! Шары!» — восторженно кричали их приверженцы.

возникает вопрос, — замечает автор «Правителя», — что лучше, чтобы тебя любили или чтобы боялись... Можно ответить, что лучше всего сочетать то и другое. Но, — с неизменной иронией оговаривает Макиавелли, — поскольку очень трудно сделать, чтобы одно сосуществовало с другим... надёжнее внушать страх, чем быть любимым».

Флорентийский пророк предвидел это Первое лицо — в цветистом колете, в парике, бантах и кружевах, в треугольной шляпе, в мундире с густыми эполетами, в коричневой рубашке, в отлично сшитом пиджаке. Политическое ремесло этого лидера с моралью несовместимо.

Писатель и философ Дени Дидро предостерег последующие поколения: «Когда Макиавелли написал свой трактат о правителе, он как бы сказал своим согражданам: "Читайте внимательно эту работу. Если когда-либо вы согласитесь иметь господина, он будет таким, каким я вам его изобразил. Вот свирепый хищник, которому вы доверитесь"».

В том же XVIII веке писатель и философ Жан-Жак Руссо прибавил и своё суждение

Никколо Макиавелли. «Правитель». Венеция, 1541 год.

о флорентийском теоретике — и практике — реальной политики: «Сделав вид, что он наставляет царей, он преподавал большой урок народам. "Правитель" — книга республиканцев».

Неоспорима верность Макиавелли идеям республики народовластия, альтернативы режиму Правителя. Республика номинальная, в какую при Медичи выродилась Флорентийская, была ему чужда. При всём его трезвом скепсисе по отношению к «толпе», к переменчивости её настроений; к простонародью, склонному поддаваться нелепым слухам и неисполнимым посулам, он оставался твёрд: «Людям, составляющим большинство, свойственна бóльшая мудрость и бóльшее постоянство, чем правителю... Недаром глас народа уподобляют гласу Божьему...»

Заключая книгу «Правитель», Макиавелли выдвинул политический проект объединения Италии. Современники сочли его бредовой фантазией, навеянной стихами Петрарки. Спустя более чем три века иностранные оккупанты были изгнаны с итальянской земли. В 1865 году единая Италия провозгласила своей столицей Флоренцию.

Непримиримая полемика вокруг Макиавелли, временами стихая, возобновляется при всяком политическом обострении. У себя Италия, похоже, поставила на ней точку. На могиле Никколо Макиавелли во флорентийской церкви Санта-Кроче Италия высекла надпись: «Нет достаточной похвалы, достойной столь великого имени».

Евгений ЛОМОВСКИЙ.
Фото автора.

Флоренция, церковь Санта-Кроче, пантеон великих итальянцев, среди которых покоится Никколо Макиавелли.